

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.25>

Григорьева Туйара Ивановна, Моисеева Вера Леонидовна

**ГЕНДЕРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ
ЗООНИМИЧЕСКОГО КОДА В РУССКОМ И ЯКУТСКОМ ЯЗЫКАХ**

В статье рассматриваются фразеологизмы с компонентом-зоонимом с позиций гендерного подхода в русском и якутском языках. Анализируется национально-культурная специфика зооморфных систем исследуемых языков; дается контрастивное описание зоонимов для выявления межъязыковых смысловых расхождений; показывается соотношение мужских и женских зоохарактеристик. На основе результатов проведенного исследования авторы полагают, что специфичность зоонимов изучаемых языков связана не только с различной степенью распространенности фауны в местах проживания этносов, но и обусловлена особенностями этнического менталитета и геополитическими факторами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/3/25.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 3. С. 120-125. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. Караулов Ю. Н. Типы коммуникативного поведения носителей языка в ситуации лингвистического эксперимента // Этнокультурная специфика языкового сознания / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 67-96.
5. Клаузевиц К. Принципы ведения войны / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2012. 219 с.
6. Коноваленко М. Ю. Психология рекламы и PR. М.: Юрайт, 2016. 394 с.
7. Левицкий В. В., Стернин И. А. Экспериментальные методы в семасиологии. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1989. 191 с.
8. Пономарев В. В. Справочник православного человека: в 4-х ч. М.: Даниловский благовестник, 2007. Ч. 1. Православный храм. 150 с.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.
10. Стернин И. А., Саломатина М. С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: Истоки, 2011. 150 с.
11. Nagasaki S. Iro no Nihonshi. The Japanese history of colour. Tokyo, 1977. 238 p.

**PECULIARITIES OF REPRESENTING THE CONCEPTS WAR AND PEACE
ON THE BASIS OF PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENT
(BY THE MATERIAL OF THE RUSSIAN, ENGLISH AND JAPANESE LANGUAGES)**

Golubenko Elena Aleksandrovna

*3rd Central Research Institute of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow
selenagol@rambler.ru*

The article examines the results of a psycholinguistic experiment as a method to study the concepts WAR and PEACE. The paper is devoted to the relevant nowadays problem of how the bearers of the modern Russian, English and Japanese languages understand war and peace as two social phenomena. The findings lead to the conclusion that the representatives of the three linguocultures have some common features but at the same time the content of the WAR and PEACE concepts contains the components representing their national specificity.

Key words and phrases: concept; linguistic worldview; war; peace; psycholinguistic experiment; free associative experiment; method to describe sensory image.

УДК 8; 811.1/9

Дата поступления рукописи: 22.01.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.25>

В статье рассматриваются фразеологизмы с компонентом-зоонимом с позиций гендерного подхода в русском и якутском языках. Анализируется национально-культурная специфика зооморфных систем исследуемых языков; дается контрастивное описание зоонимов для выявления межъязыковых смысловых расхождений; показывается соотношение мужских и женских зоохарактеристик. На основе результатов проведенного исследования авторы полагают, что специфичность зоонимов изучаемых языков связана не только с различной степенью распространенности фауны в местах проживания этносов, но и обусловлена особенностями этнического менталитета и геополитическими факторами.

Ключевые слова и фразы: гендер; зооним; зооморфизм; маскулинность; феминность; фразеология; паремия; этноспецифика; метагендерная референция.

Григорьева Туйара Ивановна

Моисеева Вера Леонидовна

*Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск
grigotui@mail.ru; velmo10@mail.ru*

**ГЕНДЕРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
С КОМПОНЕНТОМ ЗООНИМИЧЕСКОГО КОДА В РУССКОМ И ЯКУТСКОМ ЯЗЫКАХ**

Актуальность данного исследования определяется следующими факторами: 1. Изучение зооморфических образов в гендерном аспекте является перспективным направлением лингвокультурологии, однако некоторые аспекты в настоящее время являются не до конца исследованными, в частности, это касается национальных языков РФ. 2. Лингвокультурологическое сопоставление гендерных характеристик зоонимов в составе фразеологических единиц русского и якутского языков ранее не проводилось.

Новизна исследования заключается в том, что анализ зооморфизмов якутского языка в данном контексте проводится впервые. Именно поэтому в статье более подробно рассматриваются зооморфизмы якутского языка. **Целью** исследования является изучение гендерно релевантных образов, существование которых дает основание предположить наличие различий в восприятии женского и мужского образов в языковых картинах неродственных языков, при этом некоторые из этих различий могут оказаться культурно значимыми. В связи с чем поставлены следующие **задачи**: 1. Выявить способы объективизации концептов феминности и маскулинности в зоонимах исследуемых языков. 2. Определить национально-культурные особенности якутских ФЕ с компонентом зоонимического кода.

Содержание зооморфизмов в одной лингвокультуре может отличаться от содержания аналогичных метафор в других. Говоря на разных языках, имея неодинаковые обычаи и психологию, люди различных стран мира по-своему анализируют поведение животных, чем и объясняются коренные или незначительные отличия значений или даже полное отсутствие метафорического переноса. При сопоставлении материала двух разных языков обнаруживается ряд отличий, но вместе с тем выявляется и общность семасиологических явлений и процессов.

Универсальным явлением, как отмечают многие лингвисты, является способность человеческого мышления перенести некоторые характеристики поведения и внешних особенностей животных на самого человека. По мнению Е. Н. Ивановой, «перенос наименования с животного на человека представляет собой экспликацию древнейших представлений о взаимосвязи мира животных и мира человека: истоки образа лежат в мифе о животном и в бытовых, прагматических представлениях народа» [9, с. 180]. Подобный зооморфизм характерен для естественных языков и обычно соответствует фауне ареала проживания определенного этноса.

По мнению А. В. Кириллиной, «фразеологизмы с эксплицитной “гендерной” семантикой формируют ядро семантической системы “гендерные отношения” во фразеологии» [11, с. 22]. Наряду с этим зафиксировано большое количество зооморфизмов нейтрального характера, относящихся и к мужскому, и к женскому полу, то есть имеющих метагендерную референцию. Очевидно, при метафорическом переносе зоонима превалирует сопоставление черт характера человека, независимо от половой принадлежности и повадок животного, а также внешнего облика. Гендерные стереотипы являются частным случаем стереотипа и представляют собой «культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представительниц обоих полов и их отражение в языке» [10, с. 66]. Мы согласны с высказыванием Н. А. Коноплевой, что формирование гендерных стереотипов обусловлено тем, что модель гендерных отношений исторически выстраивалась таким образом, что половые различия выстраивались над индивидуальными, качественными различиями личности мужчины и женщины [12, с. 62].

Женский образ в русской культуре характеризуется рядом зоонимов, передающих положительную характеристику: например, *лебедью* [7, с. 242] называют молодую пригожую женщину. В словаре В. И. Даля можно найти ряд зоонимов, употребляемых по отношению к любимой женщине, подруге – *лебедушка*, *голубка*, *касатка* [6, с. 95, 242]. Особое внимание в русской культуре уделяется походке женщины, девушки: *идет словно павушка плывет, словно уточка плывет* [7, с. 5]. В зоонимах отражены также требования к качествам идеальной жены, женщины: *пчелка (трудолюбивая)* [Там же, с. 545]. Отрицательная оценка внешнего вида женщины содержится в следующих образах: *выдра* (болезненная, исхудалая женщина) [5, с. 287], *драная кошка* [17, с. 71], *псица/собака* (безобразная, тощая женщина) [7, с. 105]. В описании черт характера женщины встречаются такие зоонимы, как *коза (молодая, резвая)* [5, с. 131], *куропатка* (проворная, невысокого роста женщина) [6, с. 224], *крыса* (злая) [Там же, с. 205], *жаба* (злая женщина, злой ребенок) [5, с. 523], *кошка* (ласковая, лживая) [Там же, с. 182]. Безответственное отношение женщины к детям, потомству обозначается с помощью сравнения с *кукушкой* [7, с. 214], так называют мать, которая бросила детей или отказалась от них. В словаре Даля зафиксирован бранный эпитет в отношении старой женщины – *карга* (ворона) [5, с. 287].

Такое качество, как хитрость, универсально передается с помощью сравнения женщины с *лисой*, причем данный зооним имеет метагендерную референцию и может быть отнесен к мужчине. Болтливость указывается посредством зоонима *сорока* [8, с. 274], который встречается в обоих исследуемых языках и также имеет метагендерную референцию.

В мужском образе выделяются следующие черты: храбрый, удалый – *сокол* [Там же, с. 262], угрюмый, нелюдимый – *волк*, *бирюк* [5, с. 23], строптивый – *ериш* [Там же, с. 522], глупый, ленивый – *осел* [6, с. 695], хитрый, ловкий – *гусь лапчатый* [5, с. 410]. Внешность мужчины представлена через зоонимы, передающие как отрицательные: неуклюжий, крупный – *слон* [8, с. 223], так и положительные коннотации: гордый и удалый – *орел* [6, с. 690]. Стандарт мужской красоты выражает поговорка «брови соболиные, очи соколиные, сам орел». Понятие о возрасте мужчины заложено в зоонимах в скрытой имплицитной форме: *желторотый птенец* – юный, незрелый [17, с. 229], *сокол* (красивый, добрый, молодой) [8, с. 262], *мышинный жеребчик* (молодящийся старик) [16, с. 391], *старый сыч* (старый и нелюдимый) [17, с. 285].

Рассматривая зооморфические образы якутского фразеологического фонда, нельзя обойти вниманием одно из основополагающих культурных наследий якутского этноса, каким по праву считается *олонхо* – устный героический эпос, занимающий центральное место в якутском фольклоре. Являясь древнейшим видом эпического искусства якутов, *олонхо* содержит в себе обширнейший фразеологический пласт, позволяющий исследовать этнические архетипы феминности и маскулинности данной языковой общности. В якутской языковой картине находим некую двойственность женского образа: с одной стороны, женщина должна была подчиняться мужчине – сначала отцу, потом мужу. Это бесправное и покорное существо. *Эрэ суох дыахтар иччитэ суох ынах кэриэтэ* («незамужняя женщина, что бесхозная корова») [13, с. 208]. С другой стороны, в *олонхо* сохранились сюжеты о женщинах-богатырках – это отображение событий времен былого могущества женщины-воина, свободной и самостоятельной, выбиравшей и искавшей себе идеального жениха и мужа. Зоонимы феминной референции связаны часто с названиями птиц. Сравнение с птицами в якутском языке носит нередко сакральный смысл, отождествление женщин с существами, близкими небу. *Күөрөгөй* – жаворонок. Он парит в небе и поет целое лето, разговаривая с цветами в долинах, с журчащими ручьями, с людьми на полях, с березовыми лесами и шепчущими листочками. *Күөрөгөй* называют девушку, обладающую красивым голосом, в значении «светлая душа, возвышенная натура». Зооним *тулуж* («пунючка») – это ласковое

обращение к девочке или нежное обращение к любимой женщине. В сочетании с прилагательным этот зооним приобретает коннотацию «божественный, чистый и светлый», что вообще характерно для прилагательного *уруу* («белый»). *Уруу тулдук* – поэтический эпитет по отношению к красивой девушке, женщине [4, с. 89]. Как ласковое обращение к любимому человеку используется трансгендерный зооним *чычаах* («птичка»). В традиционном поэтическом описании красивых молодых людей – *тозус субан туруйа курдук уолаттар, азыс тыһы кыталлык курдук кыргызттар* («словно девять вольных журавлей, словно восемь самок стерха») зооним *туруйа* («журавль») используется по отношению к молодому красивому юноше, а *кыталлык* («стерх») – в описании молодой красивой девушки. *Тыһы кыталлык курдук (дыахтар)* («женщина словно самка стерха») [Там же, с. 410] говорится об очень красивой, грациозной женщине. Лексема *кыталык* (журавль/стерх) также может иметь и метагендерную референцию, например: *кыталыктаа* («как журавль»), в данном случае это лакуна в форме глагола – «споткнувшись, запрыгать на одной ноге». Различают глагольные формы на основе этого же зоонима: *кыталыктан* («подобиться журавлю» (легко, быстро двигаться, порхать)), *кыталыктаас* («стать журавлями» (легко, изящно, грациозно танцевать (группой))) [3, с. 386], – которые употребляются как в отношении девушек или женщин, так и в отношении юношей, но никогда – в отношении мужчин зрелого возраста и корпулентного телосложения.

Домашние животные в зоонимах якутского языка иногда интерпретируются необычно: так, например, в поговорке, связанной с ипостасью матери: *Аттыр озус алтаа, хат дыахтар хамыта* («медленный ход быка, шаги беременной женщины») [13, с. 116], – походка женщины в тягости сравнивается с гордым, медлительным ходом величественного большого животного. В этом плане также интересно интерпретируется лексема *ыт* («собака»), которая всегда имеет метагендерную референцию. Если в русской культуре образ собаки может быть положителен, например, «верный как собака», «собачья преданность», то в языковой картине мира якутов собака – существо презираемое, и этот зооним носит, прежде всего, пейоративную окраску: *иирбит ыт* («бешеная собака») [4, с. 174]. Стоит подчеркнуть, что и в русском языке встречается такой же эпитет в значении «злой», но якутский зооморфизм имеет несколько другое значение – «подлец, мерзавец», то есть имеется в виду поведение человека, преступившего рамки приличия и морали. Один из ярких пейоративов якутского языка построен на использовании этого зоонима – *түөрт харахтаах, хара хааннаах хара ыт* («четырёхглазая, черная собака, с черной кровью»). Четырёхглазой называется собака с черными или желтыми пятнышками над глазами [13, с. 220]. *Куас ыт холун кыбынайазын* («как бы (ты) не понес под мышкой (зажав) переднюю часть рыжего пса» (вместо охотничьей добычи)) – «как бы тебе не остаться ни с чем» [3, с. 172].

Зооним *кулун* (жеребенок) может иметь как метагендерную, так и маскулинную референцию. Например, фразеологическую единицу *кулуннаах биэ курдук куодарыһаллар* («ходят вместе, как кобыла с жеребенком») в значении «очень дружить, ходить всегда вместе» [1, с. 466] можно использовать, имея в виду как мужчин, так и женщин, так как в основе лежит понятие неразрывности приязненных отношений. Маскулинная референция зоонима *кулун* (жеребенок) четко прослеживается в ФЕ: *кулун атаба киирбит* («жеребьячья нога взыграла») [Там же, с. 465]. Так говорится о «второй молодости» стариков, о приливе новых сил в пожилом возрасте. Паремия имеет то же значение, что и русская ФЕ *мышинный жеребчик*. Следует отметить, что, на первый взгляд, смысл обеих паремий полностью совпадает, но, если в русском фразеологизме речь идет о несоответствии поведения физическим возможностям, то якутская паремия говорит о несоответствии поведения возрасту. Следующая идиома с зоонимом *кулун* (жеребенок) говорит о мужском предназначении в философском смысле: *уол озо, ат кулун туохха төрүүлэрэй* («для чего рождаются мальчик и жеребенок (самец)») – так говорит мужчина, решаясь на какой-то рискованный и опасный поступок [Там же, с. 190]. Оценочные характеристики мужчины в ФЕ с компонентами женского рода, такими, как *ынах* (корова) или *сылгы* (кобыла), усиливают уничижительную коннотацию. *Тарбаабыт ынах курдук* («словно корова, которую чешут») – чрезмерно смиренный, тихий; безответный; отличающийся невозмутимым характером человек (мужчина) [14, с. 181]; *уу испит сылгы курдук* («как кобыла, опившаяся холодной воды (вести себя)»), то есть дрожать, трястись от испуга, сильного волнения [Там же, с. 281]. Компонент *ынах* (корова) традиционно применяется относительно женского пола: *ынах тыла уһун даа тугу даа гыммат* («хотя у коровы язык длинный, но ничего не делает») в значении «хоть женщина и бранится, но опасаться ее не следует» [13, с. 200].

В древнейшем эпическом творчестве якутов олонхо мужчина представлен как спаситель – «по велению всевышних для спасения *айыы аймага* (людей, жителей срединного мира) спускается на землю богатырь», в образе которого отражен канонический образ защитника спокойной и мирной жизни – мужчины самоуверенного, сурового по отношению к врагам. Это нашло отражение в поговорке: *Өлөрсүбүтү өлөрөн кэбиһэр – өбүгэ үгэнэ* («убивать в смертной борьбе противника – обычай предков») [Там же, с. 59]. Архетипический образ мужчины-защитника подразумевает также физическую мощь. *Тохтор хаана суох, быстар этэ суох киһи* («человек без проливающейся крови и разрываемого тела») [Там же, с. 180], здесь подразумевается неуязвимость героя вследствие его физической крепости. *Үс өргөстөөх, абыс кырыылаах киһи* («человек с тремя острями, с восемью гранями») [Там же, с. 212], в этой поговорке человек не только сравнивается с оружием (три остря), здесь также имеется намек на его неординарные возможности (с восемью гранями). *Эр дүүһүнүгэр баар* («добрый молодец узнается по виду») [Там же, с. 208]. Фразеологизмы в описании легендарных богатырей олонхо включают в качестве структурного компонента такие зоонимы, как *соболь* (как самое ценное, лучшее), *утка* (скорость, увертливость), *конь* (символ красоты, скорости и силы). *Саха саарбата, киһи ата* («соболь из якутов, конь из людей») [Там же, с. 163], *кус быһый, ат бөбө* («резвый, как утка, сильный, как медведь») [Там же, с. 139]. Мужчины занимали более высокий статус в обществе, словам

мужчины было больше доверия. Часто встречаемая во фразеологизмах и поговорках лексема *kuhu* (человек) относится скорее к мужчине, в якутском языке *эр kuhu* (мужчина). Подобное явление отмечено и в других языках, например, в английском языке *man* (человек/мужчина), во французском языке *homme* (человек/мужчина). Положительный образ мужчины передается через зоонимы в поговорках: *ат бөсө, кус быһый kuhu* («с лошадиной силой, утиной быстротой») – очень сильный и быстрый человек (мужчина); *kuhu kuuһэ* («соболь из людей») в значении «лучший из людей, отважный, смелый» [2, с. 82].

В словарях зафиксировано большое количество зоонимов, обозначающих диких животных, птиц и рыб, так как традиционный уклад жизни якутов включал в себя охоту и рыбалку, наряду со скотоводством. Чаще всего это зоонимы с метагендерной референцией поведенческого характера, что свидетельствует о высоком уровне знания повадок животных, а также о наличии культа тотемных животных. Метагендерный зооним *балык* (рыба) примечателен своей неоднозначной интерпретацией. Речь может идти о внешнем облике, как, например: *балык айах «рыбий рот»* (лишенный зубов, беззубый) [1, с. 173], или об особенностях поведенческого характера, как во фразеологической единице *балык буол* («рыбой стать») в значении «лишаться рассудка, потерять самоконтроль, находиться в забытьи» [14, с. 123]. Эмоциональное наполнение метафорического переноса этого атрибута может быть положительным, например, ФЕ *балыктаасар кэлээй* («заика пусть рыба») [15, с. 123] имеет добродушно-насмешливый контекст. Данный оксюморон означает человека очень честного, скромного и смиренного. И, наоборот, может иметь легкую пейоративную окраску: *билэр күөлүм балыга* («рыбка из известного мне озера»), здесь употребляется в значении «пройдоха», «известная мне личность, знаю всю его подноготную»; *салыгнаах балык (сордон) курдук* («скользкий (покрытый слизью) как рыба (щука)») – изворотливый, хитрый, находящий выход из любого положения [14, с. 90]. В описании такой черты характера человека, как упрямство, зооним *балык* приобретает уточнение в виде названия породы рыбы с учетом ее повадок: *кэтэ балык курдук кэтэ турар* («прет напролом как рыба кета») – данный вид рыбы (кета), выходя из моря в реки, все лето борется со встречным течением в поисках удобного для метания икры места. Так говорят об очень упрямом, стоящем на своем человеке [15, с. 283].

Имплицитная референция гипонима *бөрө* (волк) является маскулинной и используется относительно человека хищнической морали, готового обирать, грабить других ради наживы, личной выгоды [1, с. 457]. Зооним *бөрө* (волк) можно назвать условно маскулинным, так как он применяется в основном в отношении мужского характера. Так, например, во фразеологизме *бөрө (эһэ) тириитин кэт* («волчью (медвежью шкуру) надевать») – быть в гневе, испытывать злость [15, с. 139]. Но в то же время фразеологизм *бөрө эмэһэтэ* («волчья задница») – болтун, оглашающий тайны, клязник [Там же] (намеренно используется сниженная лексика, выражающая презрительное отношение к болтуну) может употребляться в отношении как мужчины, так и женщины. Зоонимы, обозначающие опасных диких зверей, как правило, являются компонентом ФЕ с маскулинной референцией. *Харыга астыт эһэ* («как раненый в лытку (в голень) медведь») – о раздраженном, буйном и отчаянном человеке/мужчине [4, с. 353]. Гипероним *кыыл* (дикий зверь) в поговорке *муннука хаайтарбыт кыыл курдук* («как загнанный зверь») [14, с. 21] также имеет маскулинную референцию. Нужно отметить, что зоонимический компонент *бөрө* (волк) входит в состав поговорок, описывающих мужчину разного возраста, начиная с детства и заканчивая преклонным возрастом. *Бөрөм бөтөһө, басам батана* («мой волчий удалец, моя лягушачья сабля») – это забавная поговорка-поощрение относительно мальчика, подростка, помогающего взрослым в тяжелой физической работе. Первая часть поговорки «мой волчий удалец» объясняется тем, что, как подмечают охотники-якуты, в волчьей стае бывает вожак меньше по размеру, но сильнее и хитрее прочих волков в стае, во второй части использован флороним *басам батана* (лягушачья сабля) – название растения, ириса сибирского, имеющего очень развитую корневую систему, растущего в болотистой местности, мшарниках. Человек, попавший в трясины, мог выбраться, хватаясь за это растение. Таким образом, подростка хвалят за удалец, силу и выносливость. Поговорка *кырдыасас бөрө (ым)* («старый волк (пес)») [3, с. 326], созвучная ФЕ русского языка *старый волк*, употребляется в отношении пожилого, опытного человека в значении «видавший виды, бывалый, тертый калач». Зооним *эһэ* (медведь) во всех примерах имеет маскулинную референцию: *икки адырса эһэ биир арсааха кыстаабаттар* («два медведя самца не зимуют в одной берлоге») – говорится о соперничестве между мужчинами [13, с. 132] (ср. рус. *два медведя в одной берлоге не живут*). Идиома с пейоративной окраской *ообуй баай* («богач-паук» – богач-кровопийца) [14, с. 48] также имеет маскулинную референцию.

Говоря об идиомах, имеющих условно маскулинную референцию, надо принять во внимание такой экстралингвистический фактор, как социальное положение дореволюционной якутской женщины, которое строго ограничивалось рамками семьи. Соответственно, такие категории, как ум, ловкость, сила, смелость, отвага, решительность, приписывались только мужчинам, не применялись относительно женщины в условиях патриархального общества и перешли в разряд метагендерных значительно позже. К таким можно отнести ФЕ, описывающие интеллектуальные и психологические характеристики человека, например, с компонентом *мэйиһи* (мозг/память): *онголо мэйиһи* («ум/память как у кедровки») – человек с феноменальной памятью. Кедровка (птица семейства вороновых) запасает на зиму кедровые шишки, оставляя их на земле. В зимнее время она легко находит свои припасы, скрытые под снегом [Там же, с. 47]. О хитром, лукавом человеке говорят *саһыл мэйиһи* («лисий ум/мозг») [Там же, с. 107]. Зооним *лиса* во многих культурах мира является символом хитрости и изворотливости: *Лиса Патрикеевна, лисичка-плутовка; саһыл буолан ньылбый* («напускать невинный вид, как лиса») – вести себя притворно смиренно, лицемерно [Там же]. В якутской фразеологии зафиксирована идиома с зоонимом *бэдэр* (рысь): *бэдэр мэйиһи* («рысий ум/мозг»). Речь идет

о человеке с тонким, пронизательным умом, мудром, коварном и хитром [1, с. 831]. Идиома основана на охотничьих наблюдениях за повадками этого зверя. Легкой добычей считались глухарь и лебедь, что легло в основу ряда паремий о глупости: *улар мэйиш* («глухаринный мозг/ум») – бестолковый, непонятливый, безмозглый, дурак [14, с. 254]; *куба олоорон* («озирающийся по сторонам словно лебедь») – тупой, непонятливый, тупица [15, с. 244]. *Кырс-саһыл осото* («детеныш лисицы или песца») – очень осторожный человек [3, с. 332], *даабынас* (каркающий, как ворон) [1, с. 64], *куобах сүрэх* («заячье сердце») – трусливый человек [15, с. 249], *кус сүрэх* («утиное сердце») – жалкий трус [Там же, с. 251].

На примере зооморфизмов, объективирующих концепты феминности и маскулинности, выделяются модели поведения во взаимоотношениях мужчины и женщины. Отношения мужчины к женщине в якутской лингвокультуре рассматриваются и как поэтически-возвышенные, восходящие к фольклорной традиции, и как приземленно бытовые. Как показывает проведенное исследование, используя один и тот же зооморфический материал для экспликации свойств и качеств человека, его поведенческих характеристик, русские и якуты распоряжаются ими по-разному. Наиболее типичным является расхождение, а порой и полное несовпадение оценочной символики зоонимов в сравниваемых языках. Такое положение вещей можно объяснить тем, что метафора работает не столько по законам логики, сколько по часто не формулируемым правилам ассоциативного мышления, являющегося специфичным для каждой нации, культуры. Это в итоге и мотивирует расхождения в семантическом развитии зоонимов в сравниваемых языках.

В целом результаты изучения гендерной актуализации зооморфических образов в русской и якутской лингвокультурах позволяют сделать следующие **выводы**:

1. Русские и якутские зооморфизмы представляют женщину как мать, жену, оценивая больше внешний облик или черты характера. Женские черты характера в русской фразеологии щедро представлены через зооморфические образы, как в положительном, так и в негативном ключе. Якутский материал зооморфизмов с феминной референцией больше связан с внешним обликом женщины: *уруу тулук*, *кыталык*, *күөрэгэй*. Таким образом, репрезентация женского образа в русском материале представлена шире. В исследованном материале с концептом маскулинности обнаружена диспропорция относительно качества метафорического переноса поведенческих черт и облика животных. В русской зооморфной системе отмечены чаще примеры метафоры с пейоративной окраской. В якутском материале метафора опирается больше на положительные качества и повадки животных. В качестве объективизации концепта маскулинности в якутской лингвокультуре больше используются зоонимы с названиями диких и хищных зверей: *бөрө* (волк), *эһэ* (медведь), *бэдэр* (рысь). В русском языке лексемы «волк» и «медведь» также могут быть использованы в интерпретации мужского образа, но в некоторых случаях имеют иную оценочную коннотацию: так, например, волк может быть глупым, одиноким, опытным, голодным, а медведь – добродушным, невоспитанным, неуклюжим, сильным.

2. Проведенный анализ выявил большое количество зооморфизмов с метагендерной референцией в обоих языках, которые, в зависимости от контекста, используются относительно мужского и женского пола, хотя большая часть данной подборки относится к ФЕ с условно маскулинной референцией. Это подтверждает наличие андроцентризма в обоих языках. Относительно степени гендерной асимметрии в исследованном материале можно сделать вывод о преобладании ФЕ, репрезентирующих маскулинность, по сравнению с количеством ФЕ, актуализирующих концепт феминности в якутском языке. Зооморфизмы считаются универсальными для многих культур и различаются лишь по номинативному составу зоонимов, который зависит от экстралингвистических факторов, например, ареала проживания животных или традиционного уклада жизни данных этносов. В целом это утверждение является правомерным, но, вместе с тем, имеются некоторые специфические особенности в трактовке того или иного зоонима, представленного в обоих языках. Проявление этноспецифичных приращений у зоонимов зависит от неповторимого исторического опыта каждого этноса, а также свидетельствует о проявлении неформулируемых правил ассоциативного мышления определенного этноса.

Список источников

1. **Большой толковый словарь якутского языка. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта:** в 15-ти т. Новосибирск: Наука, 2005. Т. II. 912 с.
2. **Большой толковый словарь якутского языка. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта:** в 15-ти т. Новосибирск: Наука, 2007. Т. IV. 672 с.
3. **Большой толковый словарь якутского языка. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта:** в 15-ти т. Новосибирск: Наука, 2008. Т. V. 616 с.
4. **Большой толковый словарь якутского языка. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта:** в 15-ти т. Новосибирск: Наука, 2014. Т. XI. 575 с.
5. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Терра, 1995. Т. I. 704 с.
6. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Терра, 1995. Т. II. 784 с.
7. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Терра, 1995. Т. III. 560 с.
8. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Терра, 1995. Т. IV. 688 с.
9. **Иванова Е. Н.** Образы животных в предметной диалектной лексике русского языка // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. трудов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. Вып. 3. С. 180-185.
10. **Кириллина А. В.** Гендерные стереотипы в языке // Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. М.: Информация XXI век, 2002. С. 66-67.
11. **Кириллина А. В.** «Мужественность» и «женственность» с точки зрения лингвиста // Женщина в российском обществе. 1998. № 2. С. 21-27.

12. Коноплева Н. А. Гендерные стереотипы // Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. М.: Восток – Запад, 2002. С. 62-65.
13. Кулаковский А. Е. Научные труды. Якутск: Книжное издательство, 1979. 484 с.
14. Нелунов А. Г. Якутско-русский фразеологический словарь: в 2-х т. Новосибирск: СО РАН, 1998. Т. I. 287 с.
15. Нелунов А. Г. Якутско-русский фразеологический словарь: в 2-х т. Новосибирск: СО РАН, 2002. Т. II. 284 с.
16. Телия В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
17. Тихонов А. Н., Ломов А. Г. Фразеологический словарь русского языка. М.: Высшая школа, 2003. 336 с.

GENDER REPRESENTATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT-ZOONYM IN THE RUSSIAN AND YAKUT LANGUAGES

Grigor'eva Tuiara Ivanovna
Moiseeva Vera Leonidovna

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk
grigotui@mail.ru; velmo10@mail.ru

The article examines the Russian and Yakut phraseological units with the component-zoonym from the viewpoint of the gender approach. The paper discovers the national and cultural specificity of the Russian and Yakut zoomorphic systems and provides a contrastive description of zoonyms with a view to identify interlingual semantic discrepancies. The correlation of male and female zoo-characteristics is revealed. The findings allow the authors to conclude that the specificity of the Russian and Yakut zoonyms is determined not only by differences in fauna distribution in the ethnic residential areas but also by the peculiarities of ethnic mentality and geopolitical factors.

Key words and phrases: gender; zoonym; zoomorphism; masculinity; femininity; phraseology; paroemia; ethnic specificity; meta-gender reference.

УДК 8; 1751

Дата поступления рукописи: 29.11.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.26>

В статье проводится обзор теоретических и лексикографических работ по проблеме синонимии в номинативном русском и эргативных нахских языках с целью установления уровня представленности синонимических категориальных отношений. Ключевые проблемы, решаемые в данной работе, связаны с обзором основных трудов по синонимии в русском и нахских языках, приведенных в их хронологической последовательности с указанием дополнений, преимуществ и различий. Получены выводы об уровне лексикографической представленности синонимических отношений в разноструктурных языках.

Ключевые слова и фразы: синонимия; лексические синонимы; синонимический ряд; нахские языки; лексикографические и теоретические данные.

Дахкильгова Хяди Махметхановна

Ингушский государственный университет, г. Магас
Dakhkilgova1995@mail.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СИНОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ И НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

Вопрос представления лексикографического фонда нахских языков выдвигает в качестве автономной задачу комплексного исследования структуры лексико-семантического функционирования синонимии в ингушском, чеченском и бабийском языках, в их сопоставлении с русским номинативным языком. **Актуальность** данного исследования заключается в том, что отсутствуют научные разработки типологического характера, представляющие динамику синонимии в разноструктурных языках. Наша проблема заключается в том, чтобы обосновать сходства и различия в функционировании синонимов (синонимии) в избранных для исследования языках. Одна из релевантных задач языков эргативного и номинативного строя заключается в теоретическом обосновании синонимии посредством выработки критериев их классификации. Синонимия нахских языков неоднозначно представлена с точки зрения описательной лингвистики.

Проблемой теоретического исследования синонимии занимались многие ведущие лексикологи (Э. В. Кузнецова (1989), Л. А. Новиков (2001), Н. С. Валгина (2002), Ю. Д. Апресян (2006)).

В языковедении синхронно различается узкое и широкое понимание синонимии. Узкое понимание синонимии имеет большую ценность при адекватном перифразировании высказываний, широкое – при уточнении содержания обозначаемого объекта и раскрытии различных его сторон.

Целью данной статьи является анализ лексикографической и теоретической представленности синонимии в русском и нахских языках. Поставленная цель предполагает решение следующих важных **задач**: произвести обзор синхронно наличествующей научной литературы по лексико-семантическим категориальным отношениям